CT1218
.G27
A3
1913

OTRYVKI VOSPOMINANII

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00010125919

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/otryvkivospomina00gark

В. О. Гаркави.

Отрывки воспоминаній.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1913.

Дорогому
Роману Ивановичу
Клейнъ
На свѣтлую память

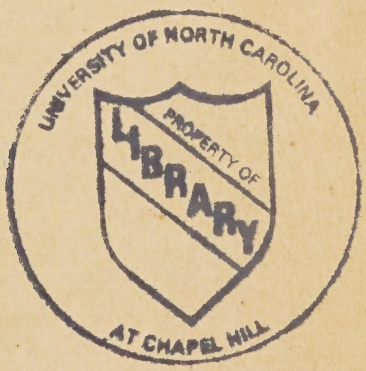
В. О. Гаркави.

CT1218
.G27
A3
1913

Отрывки воспоминаній.

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

OTRYVKI VOSPOMINANII



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1913.

Типографія И. Флейтмана, Спб., Казанская, 45

В. О. Гаркави.

(*Съ фотограф. карточки 60-хъ годовъ*).

Отрывки воспоминаній *).

Дѣтство.

Сколько мнѣ лѣтъ, я съ опредѣленностью сказать не могу. Въ то время, когда я родился, никто не соблюдалъ правилъ о записи. Черезъ мѣсяцъ послѣ моего рожденія моя старшая сестра Богдана вышла замужъ. Ей въ то время было 18 лѣтъ, а моимъ родителямъ было: отцу 37 л., матери—33 г. Я былъ изъ оставшихся въ живыхъ дѣтей седьмымъ. Послѣ меня родилась сестра Розалія, которая на четыре года моложе меня. Семья наша состояла изъ пяти сестеръ и трехъ братьевъ. Въ настоящее время (1889 г.) мать наша жива, всѣ сестры живы, а два брата умерли.

Я родился въ 1846-омъ или 1847 г. въ Новогрудкѣ, Минской губ. Мои родители впослѣдствіи переселились въ Вильну. Нѣсколько лѣтъ наша семья жила вмѣстѣ съ родителями моей матери. Отецъ мой, родомъ изъ Новогрудка, принадлежалъ къ мѣстному состоятельному семейству, которое было извѣстно своей благотворительностью и причислялось къ еврейской аристократіи. Мать моя, урожденная Страшунъ,—дочь извѣстнаго еврейскаго ученаго Самуила Страшуна. Отецъ мой съ молодости принадлежалъ къ такъ называемымъ просвѣщеннымъ евреямъ, признававшимъ общее образованіе совмѣстимымъ съ еврейской религіей и традиціей. По тогдашнему времени любители просвѣщенія назывались „берлинерами“, т. е. послѣдователями берлинскаго философа Мендельсона. Мать моя болѣе придерживалась старыхъ традицій, но съ теченіемъ времени освоилась

*) Въ 1889 г. покойный Владиміръ Осиповичъ Гаркави приступилъ къ составленію своихъ мемуаровъ; отвлекаемый обширною общественною дѣятельностью, онъ однако тогда успѣлъ сдѣлать только два наброска („Дѣтство“ и „Вильна“). Въ 1910 г., по предложенію редакціи „Пережитого“, В. О. возобновилъ изложеніе своихъ воспоминаній, но смерть (наступившая 6 сентября 1911 г.), къ сожалѣнію, помѣшала ему закончить ихъ.

съ новымъ теченіемъ, научилась по нѣмецки и всю свою жизнь интересовалась нѣмецкой литературой.

Я получилъ обычное въ ту пору воспитаніе. Съ четырехъ лѣтъ посѣщалъ хедеръ и исполнялъ строго всѣ обряды. Жизнь у дѣда была патріархальная, далекая отъ мірской суеты. Дѣдъ жилъ за городомъ въ своемъ домѣ и весь интересъ его жизни сводился къ изученію талмуда, благотворительности и строгому исполненію всѣхъ обрядовъ. Но дѣдъ и мать не были фанатиками, и имъ не былъ присущъ инквизиціонный духъ преслѣдованія и отрицанія другихъ вѣрованій.

Я себя помню съ очень ранняго возраста, почти трехлѣтняго. Нѣкоторыя картины и воспоминанія моего ранняго возраста мнѣ очень памятны, и черезъ много лѣтъ я ихъ провѣрялъ на мѣстѣ разговорами съ матерью и сестрами. Я помню милый Новогрудокъ; въ немъ по тогдашнему моему представленію была большая городская площадь съ гостинымъ дворомъ и даже каменными домами. Въ городѣ между евреями господствовали два семейства—Гаркави и Каабакъ. Представителями семейства Гаркави въ то время были двое моихъ дядей, изъ которыхъ одинъ былъ новогрудскимъ раввиномъ, а второй имѣлъ виноторговлю; они пользовались большой извѣстностью во всей окрестности и даже въ губернскомъ городѣ Минскѣ. Раввинъ Гаркави, небольшого роста съ маленькой сѣдой бородой, велъ жизнь отшельническую. Всѣхъ обращавшихся къ нему онъ принималъ сидя и молчаливо, никогда не говорилъ громко и свои рѣшенія и совѣты формулировалъ очень коротко, всегда старался мирить спорящихъ и рѣшать религіозные споры и сомнѣнія въ болѣе гуманномъ смыслѣ. Онъ славился тѣмъ, что былъ безсеребренникомъ. Жилъ онъ въ своемъ очень маленькомъ домѣ. У него было много книгъ, и онъ всегда сидѣлъ за книгой, за фоліантомъ талмуда. Я помню, что съ нами, дѣтьми, онъ мало разговаривалъ, не любилъ шума и дѣтскихъ игръ. Только по большимъ праздникамъ онъ любилъ насъ угощать и бесѣдовать съ нами. Онъ всегда задавалъ намъ какой-нибудь вопросъ или задачу, которые требовали быстраго соображенія, и если хорошо и удачно отвѣтишь, онъ, бывало, погладитъ по головкѣ и дастъ нѣсколько орѣховъ. Дома у насъ было чисто и какъ-то спокойно. Всѣ въ домѣ ходили на цыпочкахъ и боялись шума.

Другой нашъ дядя былъ братомъ раввина. Онъ былъ человѣкъ хоть флегматичный, но когда сердился, то очень волновался и кричалъ. У него по мѣстнымъ условіямъ былъ самый большой домъ въ городѣ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась его винная торговля, занимавшая нѣсколько комнатъ; въ магазинѣ были шкапы, въ кото-

рыхъ стояли разные замысловатые часы и фарфоровыя фигуры, вывезенные, будто бы, дядей изъ Кенигсберга. Городъ Кенигсбергъ считался у насъ самымъ большимъ. Всѣ чудеса заморскія происходили оттуда, и повсюду шелъ разговоръ, когда кто-либо собирался туда или возвращался изъ Кенигсберга, съ которымъ, какъ я впослѣдствіи узналъ, новогрудскіе купцы вели торговлю хлѣбомъ, лѣсомъ и льномъ. Въ подвальномъ этажѣ у дяди стояли большія бочки съ виномъ, и тамъ происходила разливка послѣдняго въ бутылки. Мы, дѣти, туда часто пробирались, и прохлада и сырость подваловъ насъ забавляла и занимала. Тамъ хорошо было играть въ прятки. Но бѣда, если попадались дядѣ. Онъ тоже считалъ всякія дѣтскія забавы предосудительными и даже грѣхомъ. Мальчикъ всегда долженъ учиться, играть можно только по праздникамъ, и то тихо, безъ шума. Кстати вспоминаю, что по субботамъ послѣ обѣда всѣ обыватели ложились спать и лѣтомъ даже запирали ставни. Мы, дѣти, обыкновенно въ это время собирались на площади и затѣвали разныя игры, но если мы сильно шумѣли, то изъ какого-нибудь дома выскакивалъ какой-либо сердитый обыватель и разгонялъ дѣтей. Чаще всѣхъ возмущался нашими дѣтскими играми и насъ прогонялъ дядя мой. Но дѣтскій живой духъ не унимался.

Жилъ дядя въ нижнемъ этажѣ въ трехъ комнатахъ, а верхній этажъ, состоявшій изъ большихъ убранныхъ комнатъ, былъ запертъ и никто тамъ не жилъ. Это помѣщеніе имѣло особое назначеніе, и обыкновенные смертные туда не допускались.

Я былъ очень способный, живой мальчикъ и съ 8-ми лѣтъ уже занимался съ учеными учителями талмудомъ и всѣми его развѣтвленіями. Къ 12-ти годамъ я слылъ „илуемъ“, будучи отмѣченъ какъ выдающійся, много обѣщающій въ области раввинской мудрости. Учились мы обыкновенно вмѣстѣ 5—6 человѣкъ у одного учителя; выборъ учителя и состава товарищей производился очень тщательно и былъ сопряженъ для насъ, дѣтей, съ большими непріятностями. Перемѣна или провѣрка учителей происходила каждое полугодіе въ каникулярное время, въ праздники Пасхи и Кущей. Новый учитель экзаменовалъ меня, затѣмъ я съ учителемъ отправлялся на экзаменъ къ дѣду или дядѣ, извѣстному Матесу Страшуну. Затѣмъ экзаменовали предполагаемыхъ товарищей для опредѣленія, насколько мы подходящи по познаніямъ и способностямъ другъ къ другу. Независимо отъ того, принимались во вниманіе положеніе родителей и воспитанность самихъ дѣтей.

Когда мнѣ минуло 12 лѣтъ, мой отецъ, который много разъѣзжалъ, окончательно устроилъ свои дѣла въ Вильнѣ и только временами отлучался въ Петербургъ. Онъ сталъ настаивать, чтобы я

изучалъ Библію, древне-еврейскій языкъ и новую литературу, а также русскій и нѣмецкій языки. Это было уже во время Крымской кампаніи, когда повѣяло повсюду новымъ духомъ. Дѣдъ и дядя не сочувствовали такому новому распредѣленію занятій, а учитель мой убивался, что пропадаетъ свѣтило во Израилѣ. Но начало было сдѣлано: три часа въ день были отведены занятіямъ языками и еврейскою литературою. Я съ большимъ рвеніемъ и необычайнымъ прилежаніемъ занялся новыми предметами, и всѣ свои свободные часы писалъ, читалъ и переводилъ, дѣлая то-же и по ночамъ. Занятіе русскимъ языкомъ было затруднено тѣмъ, что не было русскихъ учителей, не было и книгъ. Книга въ то время была дорога и рѣдка; въ Вильнѣ можно было еще получить нѣмецкія и польскія книги, но русскихъ почти не было. Приходилось разыскивать, доставать у знакомыхъ. Только въ Раввинскомъ училищѣ еще была небольшая библіотека, но книги не выдавались на домъ постороннимъ лицамъ. Съ этого времени мой интересъ къ талмудической наукѣ ослабѣлъ, хотя я все-таки ею занимался и каждую субботу бывалъ по очереди у дѣдушки и дяди для провѣрки познаній. Но религіозный мой экстазъ повысился. Молитвы меня увлекали, я только по примѣру отца сталъ читать ихъ тихо, безъ выкрикиванія, качаній и придавалъ больше значенія содержанію, чѣмъ формѣ молитвъ и обрядовъ.

Въ это же время у меня развилась нелюбовь къ окружающей польской средѣ, которая высказывала намъ, какъ евреямъ, на каждомъ шагу презрѣніе и ненависть. Поляки не хотѣли понять, что въ еврейской молодежи появилось стремленіе къ образованію, къ серьезной работѣ, и хотѣли въ насъ видѣть только торгашей....

Вильна.

Когда мнѣ было 11 лѣтъ, во мнѣ проявилось уже нѣкоторое пониманіе и сознаніе окружающаго міра. Жизнь представлялась мнѣ строго разграниченною на двѣ части: міръ еврейскій и міръ христіанскій. Еврейскій міръ представлялся мнѣ внутренне вполнѣ оформленнымъ, съ опредѣленными, тяжелыми правилами, съ крѣпкими, вѣчными, ненарушимыми устоями, съ разъ навсегда установившимися законами и правилами на всякіе случаи жизни.

Всему былъ здѣсь началомъ религіозный законъ, главнымъ центромъ жизни были религія и талмудъ. Воспитаніе, взаимныя отношенія людей опредѣлялись закономъ и обычаями. Казалось, что никакое новшество не могло проникнуть въ этотъ заколдованный міръ, и надо думать, что Николаевскій режимъ много содѣйствовалъ этой

строгой, солдатской, можно сказать, дисциплинѣ жизни, гдѣ всякому человѣку, смотря по его положенію, былъ заранѣе предписанъ образъ жизни и поведенія. Поведеніе ремесленника, ученаго, духовнаго лица, учителя, меламеда, учащагося, ешиботника было различное, и что дозволялось однимъ, то считалось для другихъ неприличнымъ. Такъ, напримѣръ, ученому, духовному лицу не полагалось быстро ходить, останавливаться на улицѣ, разговаривать на улицѣ съ женщиной, громко смѣяться, что̀ не считалось неприличнымъ для купца или для ремесленника.

Жизнь еврейская была ограждена отъ внѣшняго міра и, благодаря гетто, даже физически. Конечно, въ жизни бывали соприкосновенія между христіанами и евреями, но они были чисто дѣловыя и, конечно, по возможности чисто внѣшнія. Христіанскій міръ представлялся чуждымъ, враждебнымъ, не столько по правовымъ стѣсненіямъ, оттуда истекавшимъ, сколько опаснымъ для духовнаго міра. Поэтому всякое новшество въ платьѣ или модѣ, исходящее изъ того міра, представлялось опаснымъ, и ношеніе нѣмецкаго платья, короткаго сюртука считалось великимъ грѣхомъ и прощалось только купцамъ, имѣвшимъ дѣла съ заграницей и съ Москвою. Внѣшній міръ представлялся не-религіознымъ, и бабушка, примѣчая, что кто-нибудь изъ дѣтей не особенно усердно молится утромъ, говорила: „Вѣдь христіанинъ, вставая утромъ, тоже крестится“.

Изъ разговоровъ и намековъ можно было заключить, что въ 30-хъ и 40-хъ годахъ этимъ устоямъ угрожала какая-то опасность, что было какое-то революціонное движеніе среди еврейства, и что благодаря усиліямъ ученыхъ и благочестивыхъ людей это движеніе улеглось. Это относится ко времени появленія реформъ Уварова, Лиліенталя, дѣятельности М. А. Гинцбурга, Лебенсона и другихъ писателей. Люди, принимавшіе участіе въ томъ движеніи, находились въ подозрѣніи. Къ такимъ заподозрѣннымъ принадлежалъ и мой отецъ, который до конца дней своихъ остался ревнителемъ просвѣщенія.

Единственнымъ наслѣдіемъ того бурнаго времени было существовавшее Раввинское училище. И къ этому училищу, и къ его ученикамъ относились съ большимъ недовѣріемъ. Туда преимущественно поступали очень бѣдныя дѣти, и общество этихъ учениковъ считалось неприличнымъ, хотя учителями по еврейскимъ предметамъ состояли, за малыми исключеніями, люди очень религіозные и уважаемые. Существованіе Раввинскаго училища и контигента учащихся въ немъ все-таки являлось брешью въ крѣпости сплоченной еврейской жизни.

Ученики училища, одѣтые по европейски, въ особенности казеннокоштные, появлялись преимущественно по субботамъ на ули-

цахъ въ черныхъ короткихъ сюртукахъ, остриженные, даже бритые, въ перчаткахъ, и рѣзко выдѣлялись изъ остальной массы. Я припоминаю, какъ гулялъ съ черной перчаткой въ рукѣ Г., впослѣдствіи крестившійся, теперь занимающій одно изъ видныхъ мѣстъ въ чиновничьей іерархіи. Его отецъ у воротъ одного изъ проходныхъ дворовъ изготовлялъ деревянные ящики для товаровъ.

Въ это время появились еще новые типы, которые нарушали общіе устои: нѣсколько докторовъ-евреевъ, которые уже уклонились въ своей домашней жизни отъ многихъ обычаевъ; въ виду того, что врачу по еврейскому закону разрѣшается нарушать субботній отдыхъ ради спасенія здоровья и жизни больного, они могли, не стѣсняясь, ѣздить, писать по субботамъ. Этимъ же пользовались и фельдшера, и они своимъ поведеніемъ и образомъ жизни тоже безсознательно подкапывались подъ традиціонные устои. Но самыми сильными и независимыми нарушителями обычаевъ и безсознательными культуртрегерами явились представители типа такъ называемыхъ „акцизниковъ“. Это были служащіе по откупамъ, начиная съ управляющаго и кончая стражниками. Они по характеру своей службы не соблюдали субботы, жили широко, бражничали съ администраціей, при чемъ у нихъ не было того оправданія, которое было у докторовъ и фельдшеровъ. Общественное мнѣніе и духовенство противъ нихъ были безсильны, такъ какъ они находились подъ покровительствомъ властей, да и много людей были отъ нихъ въ зависимости по торговымъ дѣламъ. Часто обращались съ жалобами къ самимъ откупщикамъ, но это мало приносило пользы. Къ этимъ нарушителямъ традиціи впослѣдствіи присоединились еще служащіе въ строительной конторѣ желѣзной дороги...

Вступленіе въ университетъ (Іюль 1864 г.).

Наконецъ, вопросъ о вступленіи въ университетъ рѣшенъ. Мечта моя обратилась въ дѣйствительность. Началось приготовленіе къ отъѣзду. Мать и сестры съ сосредоточеннымъ видомъ заготовляли бѣлье. Отецъ съ гордостью и съ упованіемъ смотрѣлъ на мою будущность. Его юношескіе идеалы, его стремленіе къ образованію и просвѣщенію какъ будто сосредоточились во мнѣ. Изъ той среды, къ которой принадлежалъ отецъ, изъ аристократіи ума и религіозности, я былъ одинъ изъ первыхъ отправляющихся въ университетъ.

Приготовленіе къ отъѣзду и снабженіе меня нужными предметами носили патріархальный характеръ. Меня снабдили теплымъ и тяжелымъ платьемъ, теплой обувью и даже полушубкомъ. Мать

съ тихой грустью разставалась со мной и напоминала о данномъ мною обѣщаніи — не забросить еврейской науки и не увлекаться нигилизмомъ, отрицаніемъ прошлаго. Сестры, сверстники мои— юноши и барышни, смотрѣли на меня, какъ на воина, будущаго героя, но безъ сознанія того, въ чемъ собственно будетъ состоять это геройство. Никто изъ насъ, въ томъ числѣ и я самъ, не знали, что собой представляетъ университетъ, въ чемъ состоитъ университетское образованіе. Для меня это былъ свѣточъ, это былъ символъ свободы, куда я стремился изъ гетто, не только географическаго, но и умственнаго. Невѣдомая для насъ Россія, въ противоположность окружавшей насъ польской жизни, представлялась намъ свѣтлой, преимущественно состоящей изъ людей, проникнутыхъ идеями Бѣлинскаго, руководителей „Отечественныхъ Записокъ“ и „Современника“, Тургенева, Некрасова и т. п. Рѣшено было, что я поступлю въ Петербургскій университетъ. Въ Петербургѣ на первое время я долженъ былъ поселиться въ одной родственной намъ семьѣ. Передъ отъѣздомъ товарищи, которые собирались вмѣстѣ со мною въ университетъ, устроили вечеринку, что было для меня совершенной новинкой. Мои товарищи были старше меня; они уже испытали нужду, уже жили собственными скудными заработками и съ какимъ-то озлобленіемъ и, можно сказать, даже цинизмомъ издѣвались надъ религіозными убѣжденіями своихъ родителей и окружающей среды. Для вечеринки они купили водки, колбасы, свинины и также пригласили какихъ-то женщинъ. Все это мнѣ было противно. Отъ употребленія водки, колбасы я отказался, помня свое обѣщаніе, что до поступленія въ университетъ я не нарушу еврейскихъ законовъ и обычаевъ. А присутствіе женщинъ вызвало во мнѣ отвращеніе, такъ какъ я былъ совершенно невиненъ.

На этой почвѣ у меня произошелъ съ товарищами большой конфликтъ. Они меня обозвали „аристократомъ“. Но мой протестъ противъ покупной любви вызвалъ въ нѣкоторыхъ особое ко мнѣ уваженіе. Это положило основаніе моей особой дружбѣ съ Шлоссбергомъ, докторомъ Крамникомъ и Гордономъ.

Въ день отъѣзда я утромъ отправился на прощаніе къ дѣдушкѣ Страшуну. Я пошелъ къ нему въ синагогу, гдѣ онъ послѣ молитвы читалъ и комментировалъ предъ избранными слушателями отдѣлъ талмуда.

Это прощаніе и эта обстановка мнѣ живо помнятся.

Синагога находилась на Поплавахъ — пригородѣ Вильны. На улицѣ тишина, никакого движенія. Только доносились плескъ воды изъ мельницы и журчаніе ручейка съ кристальной, холодной водою

изъ дома дѣдушки. Синагога—старая деревянная, окруженная деревьями. Дѣдушка сидѣлъ на первомъ мѣстѣ, около кивота, окруженный слушателями, въ талесѣ, съ лицомъ свѣтлымъ, привѣтливымъ, ласковымъ. Когда я къ нему подошелъ, онъ меня погладилъ по щекѣ и сказалъ: „Ты знаешь, мы, старики, боимся университета, мы боимся, что онъ отниметъ васъ отъ еврейства. Но наступили новыя времена, пошли новые пути, и мы не можемъ сопротивляться вамъ. Науку я уважаю, въ особенности медицинскую и астрономическую. Прощай, мое дитя, но помни и никогда не забывай, что ты еврей". Окружающіе слушатели были очень удивлены. Они ожидали гнѣвнаго порицанія, даже проклятія. Въ моей душѣ, въ моемъ сердцѣ эти слова запечатлѣлись, и я со слезами распростился съ дѣдушкою.

Къ поѣзду меня провожалъ отецъ и тутъ-же познакомилъ меня съ однимъ полякомъ, сынъ котораго отправлялся въ Московскій университетъ. Мы поѣхали вмѣстѣ. Я впервые вкусилъ чувство равноправія: не жидъ съ паномъ поѣхали, а два студента. Съ этимъ студентомъ мы подружились и впослѣдствіи оказались товарищами по юридическому факультету Московскаго университета. Нашу бесѣду мы вели на русскомъ языкѣ, и онъ обижался на меня, что я не знаю по польски.

Я впервые совершалъ такое путешествіе одинъ, и все для меня было ново и чуждо: и пассажиры, и вагоны, и станціи, и буфеты, въ которые я входилъ съ робостью и неувѣренностью. До Динабурга (теперь Двинскъ) пассажирами третьяго класса были почти исключительно евреи. А затѣмъ измѣнилась физіономія пассажировъ, станцій: все двигалось какъ-то сонно, и я почувствовалъ себя одинокимъ, заброшеннымъ. Несмотря на подъемъ духа, я съ грустью и тоской оглядывался на обширныя поля и крестьянскія избы, все думалъ о своихъ и даже подумывалъ, не вернуться ли домой.

Въ Петербургъ я пріѣхалъ утромъ. Погода была дождливая, сырая. Городъ на меня, конечно, произвелъ сильное впечатлѣніе. Среди петербургской сутолоки я почувствовалъ себя еще болѣе одинокимъ и чуждымъ.

Съ вокзала я поѣхалъ по имѣвшемуся у меня адресу къ родственникамъ П., которые очень радушно меня приняли. Они занимали квартиру въ большомъ петербургскомъ домѣ, который мнѣ показался чуть ли не вавилонской башней, такъ какъ я еще никогда не видалъ большихъ домовъ. Хотя П. были люди религіозные и соблюдали еврейскіе обычаи, но обстановка у нихъ была уже смѣшанная: швейцаръ, горничная, няня—русскіе; семья между собою говорила на жаргонѣ, а съ прислугой и дѣтьми — по русски.

Швейцаръ въ своей ливреѣ показался мнѣ типомъ, описаннымъ Некрасовымъ, а самъ П. съ его чиновничьими пріемами, холоднымъ и корректнымъ обращеніемъ представлялся мнѣ типомъ дяди изъ Гончаровской „Обыкновенной исторіи“.

Вскорѣ я переселился къ нимъ на дачу въ Царское Село. Тутъ для меня все было ново и казалось какимъ-то волшебствомъ. Красиво убранныя дачи, палисадники съ цвѣтами, дворцы, парки, шикарные, толстые кучера, экипажи, поливаемыя дорожки — и никакихъ признаковъ бѣдности. Тамъ я встрѣтилъ и нѣкоторыхъ евреевъ-купцовъ, которые имѣли свою маленькую синагогу, гдѣ совершались всѣ обряды, но все какъ-то церемонно, холодно. Я цѣлые дни проводилъ въ паркѣ, гдѣ готовился къ экзамену изъ латинскаго языка. Невыразимо было мое удивленіе, когда разъ утромъ я встрѣтился лицомъ къ лицу съ покойнымъ государемъ Александромъ II, который гулялъ одинъ съ собакой. Онъ показался мнѣ такимъ величественнымъ, красивымъ, почти божественнымъ. Онъ съ улыбкой отвѣтилъ на мое привѣтствіе. Это особенно меня поразило по сравненію съ тѣмъ гикомъ и шумомъ, съ которымъ появлялся на улицахъ Вильны генералъ-губернаторъ Муравьевъ, окруженный казаками, и съ тѣмъ пренебреженіемъ, которое виленскія власти проявляли при привѣтствіяхъ со стороны мѣстныхъ обывателей, въ особенности евреевъ. Послѣ этого я часто утромъ встрѣчалъ государя, который даже сталъ раньше козырять мнѣ, чѣмъ я успѣвалъ поклониться. Однажды утромъ въ одно время со мною по той-же дорожкѣ гулялъ жившій у богатыхъ еврейскихъ подрядчиковъ Фридландовъ хасидскій меламедъ въ еврейскомъ костюмѣ, съ длинными пейсами, въ башмакахъ и почему-то съ краснымъ шерстянымъ шарфомъ на шеѣ. Онъ, повидимому, обратилъ на себя вниманіе государя, и черезъ нѣсколько времени послѣ встрѣчи какой-то военный подошелъ и сталъ разспрашивать этого меламеда, откуда онъ, и на смѣшной его отвѣтъ, что онъ принадлежитъ къ семьѣ Фридландовъ, предложилъ ему для прогулокъ искать подальше закоулокъ. Затѣмъ этотъ военный подошелъ ко мнѣ, полюбопытствовалъ посмотрѣть, какая у меня книга, и возвратилъ мнѣ мою латинскую грамматику съ пожеланіемъ успѣшно выдержать экзаменъ.

Въ одно изъ воскресеній П. взяли меня съ собою въ Павловскъ. Тамъ тогда играли и дирижировали оркестромъ оба Штрауса. Это было нѣчто волшебное. Я вмѣстѣ съ многотысячной толпой до опьяненія, до экстаза упивался дивными звуками. Павловскъ въ то время былъ сборнымъ пунктомъ всего Петербурга. Знать, военные, моряки, сановники, весь фешенебельный Петербургъ съ „убогими и нарядными“ Некрасова смѣшивались въ одну общую толпу

и восторгались Штраусами. Овацiямъ и вызовамъ не было конца. Я больше никогда такого экстаза не видалъ и не ощущалъ.

Когда приблизилось время экзамена изъ латинскаго языка, я перебрался въ Петербургъ и поселился въ студенческой меблированной квартирѣ. Для меня это былъ рѣзкій переходъ. Изъ изящной и хорошо обставленной дачи я очутился въ меблированныхъ комнатахъ съ специфическимъ вонючимъ запахомъ, въ сосѣдствѣ съ отставной содержанкой, съ кутящимъ студентомъ, но зато я впервые почувствовалъ себя свободнымъ отъ опеки и былъ безконечно счастливъ въ сознаніи, что я зажилъ самъ въ этомъ большомъ городѣ. Тогда-же мой родственникъ А. Г., бывшій уже тогда студентомъ, повелъ меня въ русскую кухмистерскую, гдѣ я впервые и публично вкусилъ не-еврейской пищи. Хотя я въ это время по убѣжденіямъ не признавалъ еврейскихъ законовъ о ѣдѣ, тѣмъ не менѣе меня еще долго мучило угрызеніе совѣсти.

Экзамена изъ латинскаго языка я не выдержалъ; по совѣту моихъ товарищей я послалъ прошеніе въ Московскій университетъ и переселился въ Москву. Въ Московскій университетъ насъ приняли безъ латинскаго языка въ виду письма Муравьева, чтобы насъ освободили отъ этого экзамена на одинакихъ правахъ съ семинаристами, въ виду хорошаго знанія русскаго языка.

Переѣздъ мой въ Москву по Николаевской желѣзной дорогѣ составляетъ одно изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній. Тутъ я сразу почувствовалъ себя въ средѣ однородной массы, чисто русской. Дорога отъ Петербурга до Москвы продолжалась тридцать шесть часовъ. Сидѣли въ перемежку крестьяне и баре, женщины и дѣти, на скамейкахъ и на полу. У всѣхъ пассажировъ много вещей, и въ вагонѣ тутъ-же распивали чаи на распашку, пѣли пѣсни, а на ночь примащивались съ взаимными уступками, спали на полу и подъ скамейками, съ прибаутками и шутками. Для меня было ново, что втеченіе цѣлыхъ сутокъ никто не произносилъ слова — „жидъ“. Я перезнакомился почти со всѣми пассажирами и съ наивностью, кажущейся мнѣ теперь смѣшной, я крестьянамъ читалъ и толковалъ стихи Некрасова, Никитина. Крестьяне меня слушали и временами вздыхали, а я воображалъ, что попалъ въ гущу народной жизни. Въ вагонѣ я познакомился съ первой русской интеллигентной женщиной. Она съ ребенкомъ и съ няней возвращалась изъ деревни въ Москву. Мы съ ней разговорились о русской литературѣ, о Бѣлинскомъ, Добролюбовѣ, Писаревѣ, Чернышевскомъ, о женскихъ типахъ Тургенева. По произношенію и оборотамъ рѣчи она узнала во мнѣ инородца, и когда я ей сказалъ, что я еврей, ея удивленію не было конца. Она никакъ не могла понять, откуда

у меня такая любовь къ русской литературѣ. Она съ особеннымъ вниманіемъ отнеслась ко мнѣ и пригласила меня къ себѣ въ Москву въ гости. Ея мужъ оказался полковникомъ, преподавателемъ Александровскаго училища. Я у нихъ бывалъ по воскресеньямъ; они мнѣ предлагали уроки, которые я передавалъ товарищамъ, такъ какъ не нуждался въ урокахъ, да къ тому считалъ себя недостаточно подготовленнымъ. Въ ихъ домѣ я встрѣчалъ много образованныхъ военныхъ, съ которыми я часто бесѣдовалъ и спорилъ по разнымъ вопросамъ, въ особенности по польскому. Хотя я не примкнулъ къ польской образованности и польскому патріотизму, но во мнѣ говорило чувство обиды за угнетеніе поляковъ. Въ особенности у насъ разгорѣлся споръ послѣ одного спектакля, когда давали въ Большомъ театрѣ „Жизнь за царя“, и публика заставила прекратить польскіе танцы и прогнала поляковъ со сцены; затѣмъ во время сцены въ лѣсу потребовала, чтобы одинъ Сусанинъ перебилъ всѣхъ поляковъ. И артистъ, пѣвшій Сусанина, высокій, здоровый мужчина, размахнулся и „убилъ“ всѣхъ поляковъ къ восторгу бушующей публики. Я какъ будто чутьемъ ощутилъ начало реакціи. Мои собесѣдники удивлялись, что я, весь проникнутый русской культурой, такъ сочувственно относился къ полякамъ, какъ къ родичамъ. Но ко мнѣ и къ еврейскому вопросу мои собесѣдники относились очень бережно. Молодые офицеры меня посѣщали, снабжали книгами; мы часто гуляли и бесѣдовали. Черезъ полгода моихъ милыхъ знакомыхъ куда-то перевели. Съ полковникомъ я встрѣтился спустя пятнадцать лѣтъ. Онъ меня разыскалъ. Онъ былъ уже въ генеральскихъ чинахъ, а я—присяжнымъ повѣреннымъ. И тогда между нами оказалась большая пропасть, въ отношеніи убѣжденій и міровоззрѣнія.

Когда я пріѣхалъ въ Москву, меня встрѣтили мои товарищи изъ Вильны: Шлоссбергъ, Гордонъ, Крамникъ, Рогалинъ. Я поселился съ ними въ студенческомъ кварталѣ у Ермолая въ одной небольшой комнатѣ съ четырьмя кроватями и съ диваномъ, за которую я уплатилъ за мѣсяцъ впередъ семь рублей. Я былъ единственный, который привезъ съ собою денегъ. У моихъ товарищей не было никакихъ средствъ, никакихъ вещей, но тѣмъ не менѣе они съ бодростью и увѣренностью смотрѣли на свою будущность. Мы отправились въ кухмистерскую, гдѣ я заплатилъ за обѣды за мѣсяцъ впередъ 3 руб. 50 коп. за два блюда и кофе. За четырехъ товарищей я заплатилъ за два обѣда, такъ какъ они брали черезъ день супъ или жаркое. Больше всѣхъ я подружился съ Шлоссбергомъ, который былъ старше меня и испыталъ уже довольно много нужды, а по своимъ убѣжденіямъ былъ матеріалистъ, признававшій только есте-

ственныя науки. Матеріалисты и реалисты подъ вліяніемъ Писарева тогда считали, что естественныя науки разрѣшаютъ всѣ вопросы жизни, философіи и міровоззрѣнія, и не придавали никакого значенія гуманитарнымъ наукамъ, въ особенности юриспруденціи. Я рѣшилъ поступить на юридическій факультетъ, и между мною и товарищами возникли страстные споры по этому поводу.

Черезъ два дня послѣ моего пріѣзда я вмѣстѣ съ Шлоссбергомъ отправился въ университетъ, гдѣ долженъ былъ выдержать colloquium изъ русскаго языка и математики. Изъ русскаго языка я взялъ тему о Петрѣ Великомъ, о которомъ я написалъ восторженное, хвалебное сочиненіе. Профессоръ Лешковъ, извѣстный славянофилъ, который разбиралъ между прочимъ мое сочиненіе, сказалъ мнѣ, что по формѣ онъ мое сочиненіе одобряетъ, а что касается его содержанія, онъ надѣется, что я поучусь и измѣню свое мнѣніе. Впервые я тутъ узналъ о разныхъ воззрѣніяхъ на исторію Россіи, и замѣчаніе стараго профессора съ живыми глазами произвело на меня чарующее впечатлѣніе.

„Вотъ, подумалъ я, что значитъ храмъ науки!“.

Черезъ нѣсколько дней я былъ зачисленъ въ студенты и получилъ билетъ. Когда я вмѣстѣ съ Шлоссбергомъ вышелъ изъ стараго зданія университета на Моховую, мы перешли на противоположный тротуаръ, съ благоговѣніемъ сняли шапки, поклонились пріютившему насъ храму и расцѣловались. Съ гордостью пошли мы домой, и всякому встрѣчному мы готовы были крикнуть: „Знаете, мы студенты!“ Съ насъ какъ будто сразу спало чувство отчужденности отъ окружавшихъ насъ христіанъ. Мы почувствовали себя причисленными къ новой корпораціи, среди которой нѣтъ іудеевъ и эллиновъ.

Мы рѣшили отпраздновать поступленіе въ университетъ и вечеромъ отправились въ славившуюся уже тогда гостинницу Эрмитажъ. Лакеи въ бѣлыхъ рубашкахъ, органъ, широкая лѣстница, роскошное освѣщеніе и богатая публика, сидящая за разными столиками, насъ такъ поразили, что мы стѣснялись занять мѣста и собирались уходить. Но тутъ какой-то молодчикъ подошелъ къ намъ и сказалъ: „Господа студенты, пожалуйте, садитесь!“. Это привело насъ въ неописуемое умиленіе. Мы заказали себѣ чай съ печеньемъ и, когда мы усѣлись, то вдругъ услышали знакомые, родные звуки: еврейскій свадебный танецъ. И каковы были наше удивленіе и радость, когда мы въ другой комнатѣ увидѣли еврейскій оркестръ: скрипку, бандуру, віолончель, барабанъ. И знакомые звуки съ далекой родины, изъ далекой черты сливались съ новыми нашими впечатлѣніями. Мы долго сидѣли и бесѣдовали о своемъ прошломъ и своей будущности.

Въ меблированныхъ комнатахъ, въ которыхъ мы поселились жили преимущественно студенты, изъ разныхъ мѣстъ, разныхъ типовъ и направленій. Особенно выдѣлялись трое, которыхъ я особенно помню. Одинъ былъ студентъ Силичъ, пензякъ, невысокаго роста, коренастый, настоящій Рахметовъ изъ „Что дѣлать“. Онъ спалъ на жесткой постели безъ тюфяка, питался однимъ хлѣбомъ съ чаемъ и карандашемъ напередъ отмѣчалъ, сколько ему хлѣба съѣсть. Онъ ни за что не соглашался выпить лишній стаканъ чаю или съѣсть кусокъ пирога. Онъ усидчиво занимался и по словарю изучалъ англійскій языкъ. Онъ видимо готовился къ какому-то подвигу. Но его вскорѣ потеряли изъ виду; по слухамъ, онъ заболѣлъ гдѣ-то тифомъ и умеръ. Другой типъ былъ—бурсакъ, рыхлый, съ басомъ; часто напѣвалъ онъ молитвы и не прочь былъ отъ рюмочки. По своимъ размышленіямъ онъ очень подходилъ къ намъ: и его развитіе и мышленіе шло на религіозной почвѣ, онъ также пережилъ и переживалъ религіозныя сомнѣнія, и онъ считался паріемъ и гордился званіемъ студента. Онъ поступилъ на медицинскій факультетъ и вышелъ въ профессора, и остался вѣренъ рюмочкѣ и церковнымъ напѣвамъ. Третій типъ—это былъ изъ разорившихся дворянъ, по фамиліи Скалонъ. Онъ жилъ вмѣстѣ съ дядькой, такъ какъ не привыкъ самъ одѣваться и раздѣваться. Онъ поступилъ въ университетъ съ безразличіемъ и равнодушіемъ. Дворянинъ долженъ служить, а военная служба невыгодна, ну и поступилъ въ университетъ. Онъ тяготился тѣмъ, что ему приходится жить въ меблированныхъ комнатахъ, и наши споры и разговоры казались ему скучными. Когда онъ получалъ деньги, то устраивалъ кутежъ, угощалъ всѣхъ, приглашалъ женщинъ и производилъ дебошъ. Но товарищи его любили, и подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ особенности Силича и посѣщавшаго его студента Шварца, впослѣдствіи министра народнаго просвѣщенія, онъ сталъ заниматься политической экономіей и позднѣе сдѣлался однимъ изъ извѣстныхъ земскихъ дѣятелей, сотрудникомъ и пайщикомъ „Русскихъ Вѣдомостей“.

Первое время мы занимались осмотромъ Москвы. Тогдашняя Москва была дѣйствительно самобытная, своеобразная: большія площади, мѣстами пустыри, много пустопорожняго мѣста около домовъ; чередовались относительно большіе дома съ маленькими. Только на нѣкоторыхъ улицахъ были каменные дома, большинство-же были деревянные Невѣроятное разнообразіе внѣшней архитектуры, и названіе „Бѣлокаменная“ оправдывалось только Кремлемъ и Китай-городомъ. На улицахъ во многихъ мѣстахъ совсѣмъ не было мостовыхъ, грязь была непролазная, а гдѣ существовала мостовая, она

была изрытая, неровная. Сообщеніе было очень плохо. Я еще засталъ такъ называемыя извощичьи линейки или, какъ ихъ называли „гитары“, на которыхъ обыкновенно ѣздили вдвоемъ другъ къ другу спиною. Для сообщенія съ загородными мѣстами, съ Сокольниками, Богородскомъ, существовали линейки—самыя доморощенныя, тяжелыя, грязныя. Вообще ѣзда на этихъ извощикахъ и линейкахъ было однимъ страданіемъ. Но средній классъ мало пользовался загородными мѣстами. Тамъ селилось только богатое купечество, которое передвигалось въ замѣчательно тяжелыхъ экипажахъ, съ удивительно большими, здоровыми и дорогими лошадьми. На окраинахъ города толпились лачужки, а Замоскворѣчье производило своеобразное впечатлѣніе: широкія, безлюдныя улицы, большіе особняки, запертыя ворота, громадныя собаки и обыкновенно на скамейкахъ сытые дворники, толстые кучера. Когда случалось ночью проходить или проѣзжать черезъ какую-нибудь улицу Замоскворѣчья, то по всей улицѣ стоялъ несмолкаемый гулъ отъ собачьяго лая. Освѣщеніе было самое скудное, больше всего лампы были съ деревяннымъ масломъ. Вообще послѣ Петербурга Москва производила впечатлѣніе большой деревни.

Но все-таки намъ Москва скоро полюбилась. Складъ жизни—какой-то простой, доступный. На улицахъ все больше простой классъ, много крестьянъ. Все какъ-то двигалось покойно и дѣлало дѣло мирно. А жизнь была очень дешевая, такъ что я, получая 25 рублей въ мѣсяцъ, считался богатымъ студентомъ и могъ удѣлять нѣсколько и товарищамъ, и на театръ. Мы вмѣстѣ съ Шлоссбергомъ наняли большую, просторную комнату за 8 рублей въ мѣсяцъ, а за 5 руб. въ мѣсяцъ я обѣдалъ въ лучшей кухмистерской.

Кремль со всѣми своими историческими памятниками, который остался неизмѣннымъ до сихъ поръ, произвелъ на насъ чарующее впечатлѣніе. Немало восторга намъ доставили Румянцевскій музей, дома Голицына и Юсупова, университетская библіотека, неоконченный еще тогда Храмъ Спасителя. Изъ загородныхъ мѣстъ мы полюбили Кунцево, Покровское, которыя, какъ оказалось, имѣли особенный интересъ для русской интеллигенціи сороковыхъ годовъ, такъ какъ эти мѣста связаны съ воспоминаніями о прогулкахъ Герцена, Бѣлинскаго, Боткина, Станкевича, Тургенева (Чертовъ Мостъ). Часть Кунцева принадлежала Солдатенкову, издателю Бѣлинскаго. Кстати надо замѣтить, что Солдатенковъ былъ одной изъ замѣчательныхъ личностей Москвы.

Но вѣнцомъ красоты московской, матеріальной и духовной, были университетъ и театры—Большой и Малый. Малый театръ былъ въ полномъ расцвѣтѣ, а въ Большомъ господствовала блестящая итальянская

опера. Театръ былъ для насъ откровеніемъ. Тамъ мы впервые увидѣли настоящее искусство. Наряду съ „Горемъ отъ ума“ и „Ревизоромъ“ тогда давались и новыя пьесы на современные вопросы. Изъ тогдашнихъ авторовъ осталось только имя Островскаго, имена другихъ и даже названія ихъ пьесъ забыты. Но помнится, съ какимъ восторгомъ и увлеченіемъ молодежь прислушивалась къ пьесамъ, въ которыхъ выводились герои и героини, борцы за равноправіе женщинъ, за общественный долгъ, за правосудіе. Съ замираніемъ сердца прислушивались къ проповѣди о научной истинѣ, о свободной любви, къ намекамъ о политической свободѣ. Немало плакали мы на „Доходномъ мѣстѣ“ и подобныхъ пьесахъ. Произведенія Островскаго были для насъ сатирой на современную жизнь. И кто не видалъ Садовскаго старшаго, тотъ никогда не пойметъ Островскаго. Мнѣ пришлось видѣть Садовскаго, Живокини, Шумскаго, Самарина, Васильева, Акимову, молодыхъ Федотову и Никулину, изъ которыхъ всякій въ отдѣльности представлялъ собою яркую индивидуальность, а всѣ вмѣстѣ давали такой ансамбль, котораго мнѣ ужъ больше никогда въ жизни не приходилось видѣть. Лично мнѣ удалось познакомиться съ Самаринымъ и Никулиной. Самаринъ дома былъ настоящій баринъ, точно благородный Фамусовъ въ мѣщанской обстановкѣ. Несмотря на свою славу, онъ былъ замѣчательно скроменъ и, какъ самъ говорилъ, съ трепетомъ выступалъ на сценѣ. Никулина—веселая, игривая собесѣдница, и пожить любила. Ея талантъ былъ какъ бы безсознательный, и она не въ состояніи была бы объяснить, какъ нужно извѣстную роль играть. Въ частной бесѣдѣ она избѣгала разговоровъ о театрѣ. Но если удавалось заинтересовать ее въ разговорѣ какой-нибудь пьесой или книгой, она немедленно изъ свѣтской женщины превращалась въ артистку-львицу. Увлекшись чтеніемъ или декламаціей, она изумляла своихъ слушателей.

Жизнь въ университетѣ была несложная. Отношенія между студентами были простыя, болѣе кружковыя. Инспекторъ Красовскій былъ человѣкъ недалекій, изъ военныхъ. Отношеніе его къ студентамъ было внѣшне формальное, но не придирчивое. Субъ-инспектора очень напоминали надзирателей гимназіи, и поэтому студенты относились къ нимъ какъ будто небрежно. На самомъ-же дѣлѣ большинство изъ нихъ были люди очень хорошіе и въ столкновеніяхъ съ инспекціей или полиціей всегда являлись заступниками студентовъ. У насъ, юристовъ, состоялъ субъ-инспекторомъ Барсовъ, который былъ очень близкимъ другомъ Щепкиныхъ и Бѣлинскаго. Онъ былъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ лучшихъ переводчиковъ историческихъ сочиненій.

Первая лекція, которую мнѣ пришлось слушать, была по энциклопедіи права; ее читалъ Капустинъ. Онъ же намъ преподавалъ впослѣдствіи международное право. Читалъ онъ сухо, но тѣмъ не менѣе умѣлъ заинтересовать своимъ предметомъ, такъ какъ онъ старался всѣ свои правовыя опредѣленія объяснять примѣрами изъ обыденной жизни. Онъ былъ приверженецъ нѣмецкой науки и больше всего рекомендовалъ нѣмецкія книги и нѣмецкихъ философовъ. Онъ принималъ студентовъ разъ въ недѣлю въ извѣстные часы и охотно снабжалъ ихъ указаніями и книгами, чѣмъ мы и пользовались. Совсѣмъ другого типа были два другихъ профессора: Бѣляевъ, по исторіи русскаго права, и Лешковъ—по полицейскому (общественному) праву. Бѣляевъ—маленькій, толстенькій, рыхлый, похожій на попадью. Курсъ у него былъ чрезвычайно обширный, и все больше по первоисточникамъ. Первоначально онъ намъ былъ почти непонятенъ, но черезъ нѣкоторое время мы привыкли къ его добродушному чтенію и охотно посѣщали его лекціи, такъ какъ онѣ были богаты подробностями изъ русской жизни и русскаго быта. Но не было въ нихъ широкихъ горизонтовъ, широкаго освѣщенія. Онъ первый въ лекціяхъ ввелъ насъ въ научный споръ объ общинномъ и родовомъ происхожденіи. Лешковъ былъ натурой больше боевой. Горячій противникъ Петровскихъ реформъ, онъ съ яростью велъ съ кафедры споръ со своими литературными противниками, профессорами Московскаго же университета. Совсѣмъ инымъ духомъ повѣяло на насъ съ лекцій профессора Ешевскаго, къ сожалѣнію, скоро умершаго. Строгая научность, ясность изложенія, точность опредѣленій сразу привлекли наше вниманіе, и мы сейчасъ почувствовали, что передъ нами истинный учитель, открывающій предъ нами горизонты и міровоззрѣніе, до того невѣдомые.

Больше всѣхъ привлекалъ слушателей профессоръ богословія Сергіевскій, курсъ котораго былъ обязателенъ для всѣхъ факультетовъ, кромѣ медицинскаго. Сергіевскій располагалъ къ себѣ слушателей своей красивой, изящной наружностью, чрезвычайно пріятнымъ голосомъ и въ особенности подробнымъ изложеніемъ философіи Фихте, Гегеля, Фейербаха и новѣйшихъ матеріалистовъ, отрицателей религіи вообще и христіанства. Хотя для меня его курсъ былъ необязательнымъ, я его слушалъ со вниманіемъ. Меня прельщало это публичное, открытое обсужденіе религіозныхъ вопросовъ, и я долженъ сказать, что лекціи Сергіевскаго наврядъ ли служили къ укрѣпленію вѣры, а въ колеблющихся онѣ еще болѣе усиливали сомнѣнія, такъ какъ его опроверженія и доказательства носили болѣе богословскій характеръ, чѣмъ научный. Кромѣ Сергіевскаго, я еще слушалъ физику у Любимова; это была съ моей стороны дань

матеріалистическому настроенію моихъ товарищей. Любимовъ занималъ аудиторію больше опытами, что было для насъ новинкой.

Между мною и Шлоссбергомъ и другими товарищами все продолжались споры о преимуществѣ естественныхъ наукъ предъ другими. Каждая новая статья Писарева служила поводомъ къ новымъ безконечнымъ спорамъ и атакамъ на меня. Но я привязался къ своимъ предметамъ и сталъ усердно заниматься философіей и исторіей. Капустинъ какъ-то намъ прочелъ лекцію о юридическихъ лицахъ. На меня эта лекція произвела сильное впечатлѣніе, такъ какъ вызвала во мнѣ цѣлый рядъ новыхъ понятій и представленій. Когда я пришелъ домой, я съ увлеченіемъ сталъ толковать объ этомъ. Товарищи-медики вступили со мною въ споръ и стали доказывать, что все это софизмы. Когда я сталъ доказывать необходимость подобныхъ понятій и указалъ на университетъ, какъ на примѣръ юридическаго лица, то Шлоссбергъ спросилъ у меня: „А что, развѣ можно у университета что-нибудь украсть? А если я взялъ изъ лабораторіи флакончикъ для химическихъ опытовъ, то, по твоему, я совершилъ кражу? Кого-же я обокралъ?“ И когда я сталъ утверждать, что онъ въ данномъ случаѣ обокралъ университетъ, какъ юридическое лицо, то онъ обидѣлся, и мы разругались такъ, что даже разъѣхались.

Въ университетѣ на первыхъ курсахъ у меня завязалось знакомство съ нѣкоторыми студентами, принадлежавшими къ разнымъ слоямъ общества, отъ семинариста до графа Комаровскаго, въ томъ числѣ съ извѣстнымъ впослѣдствіи министромъ Боголѣповымъ и нынѣшнимъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта Акимовымъ. Наше знакомство и сближеніе основывались главнымъ образомъ на почвѣ религіозныхъ вопросовъ и сомнѣній. Какъ оказалось, мы, люди разныхъ положеній и жившіе въ разныхъ условіяхъ, переживали однѣ и тѣ-же муки сомнѣній. Это было также время переоцѣнки всѣхъ цѣнностей, хотя этотъ терминъ еще не былъ извѣстенъ. Изъ бесѣдъ съ товарищами и изъ лекцій Сергіевскаго я убѣдился, что вопросъ объ отдѣленіи свѣтскаго образованія отъ религіознаго и стремленіе къ освобожденію отъ тяготѣвшаго надъ жизнью духовнаго, клерикальнаго міровоззрѣнія составляли удѣлъ не однихъ только образованныхъ евреевъ, и что этими-же вопросами мучилась и страдала и русская мыслящая молодежь. Въ этомъ отношеніи я въ особенности встрѣчалъ много общаго съ нами у семинаристовъ. Соціальные вопросы тогда еще не особенно насъ занимали; они были еще, такъ сказать, im Werden и очерчивались въ какихъ-то общихъ, неопредѣленныхъ формахъ. Женскій вопросъ очень сильно выдвигался, но не въ смыслѣ равноправія,

какъ его понимаютъ въ настоящее время, а въ смыслѣ отношенія къ женщинѣ не какъ къ самкѣ, а какъ къ человѣку. Въ этомъ отношеніи между мною и моими товарищами сказывалась большая разница, вызванная, вѣроятно, различіемъ нашей семейной обстановки. Я не видалъ пьяныхъ крѣпостниковъ, издѣвающихся надъ своими крестьянами, я не видалъ пьяныхъ мужей и отцовъ, проигрывающихъ все свое состояніе и издѣвающихся надъ своими женами; я не былъ знакомъ ни съ проституціей, ни съ содержанками. Я всегда видѣлъ отношенія къ матерямъ, дочерямъ ровныя, спокойныя, какъ къ сотрудникамъ, только въ одномъ отношеніи стоявшимъ ниже мужчинъ—въ отношеніи исполненія религіозныхъ обязанностей, ритуала и требъ; загробная жизнь женщины находилась въ зависимости отъ добродѣтелей мужа. Разсказы товарищей, стихи Некрасова, современные разсказы и повѣсти открывали предо мной картины чуждой до того для меня жизни. Поэтому въ женскомъ вопросѣ я не переживалъ никакихъ сомнѣній, и въ моихъ отношеніяхъ къ женщинѣ мои товарищи усматривали какую-то особую нравственную чистоту...

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00010125919